

Федосова Мария Павловна

студентка Волгоградского филиала
Академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI В.

Аннотация:

В статье рассматриваются российско-американские отношения на современном этапе, перспектива развития международного взаимодействия на фоне возникающих проблем, стратегия решения экономических и политических вопросов между Россией и США.

Ключевые слова:

российская и американская дипломатия, ядерный арсенал, российско-американские отношения, стереотип.

Fedosova Maria Pavlovna

Student, Volgograd branch of
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

THE FEATURES OF RUSSIAN-AMERICAN FOREIGN RELATIONS IN THE XXI CENTURY

Summary:

The article deals with the current Russian-American relations. The author considers prospective development of international cooperation against the background of emerging problems. Also, the strategy of development of economic and political issues between Russia and the United States is discussed.

Keywords:

Russian and American diplomacy, nuclear arsenal, Russian-American relations, stereotype.

В 2013–2014 гг. международная система характеризовалась развитием новых политических конфликтов и обострением существующих ранее, что нашло свое отражение в российско-американских отношениях, принимающих все более кризисную форму. С конца XX в. Соединенные Штаты Америки становятся единственной сверхдержавой в современной мировой политике. Несмотря на ряд кризисных явлений, экономика США продолжает устойчиво функционировать [1, с. 69–70]. Однако для поддержания экономической стабильности внутригосударственных процессов США проводят активную внешнеполитическую стратегию, которая по ряду направлений приходит в противоречие с российскими национальными интересами. На современном этапе мы можем наблюдать активное американское вмешательство во внутренние дела зарубежных стран с формальной целью предотвращения террористических актов, поддержки и защиты мирного населения, а также продвижения демократических политических смыслов, которые присущи более развитым странам. Парадоксальным образом в ряде случаев это сопровождается поддержкой американскими властями радикальных политических движений, которые российское (и не только) законодательство квалифицирует как экстремистские. Примером подобного является украинский кризис [2, с. 118]. Спонсирование и содействие новому украинскому правительству и сторонникам «Правого сектора» приводит к обострению конфликта на юго-востоке страны, что не может не беспокоить Россию.

Картину будущего для США рисуют американские экономисты Д. Терк и Д. Рубино, прогнозирующие крах доллара и, как следствие, – американской империи. Критические пассажи книг Д. Стиглица, Н. Фергюсона и Дж. Перкинса также указывают на изменения в мировом порядке, использование финансово-кредитных инструментов для «приручения» национальных экономик государств-должников. Важными для исследуемой проблемы явились работы У. Энгдаля. Описывая экономическую историю капитализма в США, У. Энгдаль обусловливает применение внешнеполитической пропаганды геэкономическими интересами международного нефтяного картеля – семи крупнейших нефтяных компаний мира – «Exxon», «Royal Dutch Shell», «Texaco», «Chevron», «Mobil», «Gulf Oil» и «British Petroleum» [3, с. 11–12]. Ученый уделяет большое внимание «мягким» политическим технологиям, которые разрабатывались на протяжении всего XX в. в исследовательских центрах США и Западной Европы. Эти институты – соразработчики и исполнители «цветных» революций на постсоветском пространстве, которые, в свою очередь, создают новые политические реалии по периметру границ России.

Проблематика «мягких» государственных переворотов также находит отражение в работах профессора Гарвардского университета Дж. Шарпа: «От диктатуры к демократии» и «198 методов ненасильственных действий». Эти разработки позволили понять стратегию и тактику современных государственных переворотов, реализуемых с помощью методов ненасилия и информа-

ционных операций. Известность работ Дж. Шарпа в нашей стране связана со следующими действиями данного американского политтехнолога: он организовывал и консультировал оппозиционное движение «Саудис» (Литва), «Отпор» (Сербия), «Кмара» (Грузия), «Пора» (Украина), «КелКел» (Киргизия) и «Зубр» (Белоруссия). Благодаря этим организациям были форсированы сепаратистские устремления Литовской ССР по выходу из состава Советского Союза в 1991 г., свергнуто правительство С. Милошевича в 2000 г., режим Э. Шеварднадзе в 2003 г., утверждена кандидатура В. Ющенко на президентских выборах в 2004 г., свергнуты президенты Киргизии А. Акаев (2005) и К. Бакиев (2010). Опыт и теоретические наработки Дж. Шарпа использовались во время революционных событий в Тунисе, Египте и Йемене, сопровождаемых вооруженным сопротивлением правительственных сил.

На фоне существующих проблем во взаимоотношениях России и США возникает ряд вопросов о перспективе дальнейшего развития международных отношений между этими странами. Заместитель министра иностранных дел России С. Рябков отмечает наличие негативных стереотипов в отношении России, которым подвержено американское руководство, что создает преграду оптимизации двусторонних отношений, блокируя положительные решения таких, например, вопросов, как перспективы сокращения ядерного арсенала, развертывание американской системы ПРО в Европе, угроза переноса гонки вооружений в космос [4, с. 5–9].

Украина и Сирия в текущий период представляют основные геополитические зоны столкновения российских и американских интересов обеспечения национальной безопасности. При этом если США могут себе позволить «заигрывание» с радикальными вооруженными движениями, в том числе и исламистского толка, то для России приход к власти подобных политических сил вблизи своих границ является неприемлемым сценарием [5, с. 29].

Российско-украинский конфликт, не сводимый только к вопросу о статусе Крымского полуострова, превратился в один из основных элементов политического давления на Россию в целях пресечения ее стремления к выстраиванию геополитического пояса безопасности по периметру своих границ и в сопредельных географических регионах. Кроме того, за годы президентства В.В. Путина Россия сумела заявить о себе как интегратор и архитектор новых международных экономических и политико-экономических конструкций. Создание ШОС и БРИКС заложило основы формирования новых контуров экономического сотрудничества не только на просторах Евразии, но и в масштабах трансконтинентального партнерства. Именно по инициативе России БРИКС из условного объединительного научно-аналитического термина (развивающиеся страны со схожими экономическими параметрами) превратился в реальную структуру с регулярными саммитами лидеров входящих в нее стран. Необходимо учитывать и непрекращающиеся попытки России интегрировать, насколько это возможно, постсоветское пространство.

Подобные инициативы не могут не вызвать противодействия в среде американской политической элиты, реализующей иной проект глобальной интеграции, призванной обеспечить доминирование США в Тихоокеанском регионе, а также привязать Европу к американским рынкам энергоносителей. В соответствии с новой концепцией геостратегического «разворота» США от Европы к Тихоокеанскому региону, администрация Б. Обамы предполагает:

- сосредоточить в Азиатско-Тихоокеанском регионе не менее 60 % военных ресурсов;
- закрепить за собой приоритетное право над контролем системы обеспечения региона энергетическими ресурсами (углеводородное сырье прежде всего);
- сформировать вокруг Китая неформальный «сдерживающий» альянс конкурирующих с ним стран под патронажем США [6, с. 51–52].

Непредсказуемая внешнеполитическая активизация России, последовавшая в начале XXI в., явилась ключевым неучтенным фактором для экономических архитекторов глобализации, потребовавшим быстрого ответа. Начались поиски обоснования экономической изоляции России от внешнего мира и в перспективе ее политической блокады. Первоначально тактика ответа предполагала обвинение российского руководства в авторитарном стиле правления и поддержку оппозиционных движений на территории России, даже радикального характера [7, 130]. После вооруженного мятежа и государственного переворота на Украине в феврале 2014 г., вызвавшего реакцию России, президента РФ стали обвинять в реваншистской, захватнической политике в духе Российской империи и СССР с последующим введением экономических санкций, призванных дестабилизировать ситуацию внутри страны.

Резюмируя, можно отметить, что российско-американские отношения сейчас можно охарактеризовать как умеренно-конфронтационные, причем если Россия регулярно демонстрирует стремление к поиску компромисса по ключевым спорным вопросам, то США нацелены на достижение односторонней безусловной победы, которая позволит полностью нейтрализовать внешнеполитические достижения оппонента. В сложившихся условиях эффективной реакцией России

может быть только твердая и последовательная позиция по отстаиванию своих жизненно важных национальных интересов.

Ссылки:

1. Бельских И.Е. Государственный долг США – альтернативная оценка (историко-экономические аспекты фундаментального анализа) // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 38. С. 67–71.
2. Матвиенко Е.А., Васильчук Е.О., Морозов И.Л. Особенности институционально-правового обеспечения противодействия экстремизму в Украине // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 117–122.
3. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 11–12.
4. Рябков С. В целом год получился очень пестрым // Международная жизнь. 2014 № 1. С. 4–17.
5. Крутаков Л. Другой мир // Коммерсантъ-власть. 2014. № 44. С. 28–32.
6. Старкин С., Рыжов И. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.
7. Морозов И.Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 127–131.

References:

1. Belskih, IE 2011, 'US national debt - an alternative assessment (historical and economic aspects of fundamental analysis)', *Financial analytics: problems and solutions*, no. 38, pp. 67-71.
2. Matvienko, EA, Vasilchuk, EO & Morozov, IL 2013, 'Features of institutional and legal support to counter extremism in Ukraine', *Herald of the Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry*, no. 3, pp. 117-122.
3. Filimonov, GY 2013, *Role of "soft power" in US foreign policy*: D.Phil. thesis abstract, Moscow, pp. 11-12.
4. Ryabkov, S 2014, 'In general, year was very colorful', *International Affairs*, no. 1, pp. 4-17.
5. Krutakov, L 2014, 'Another World', *Kommersant-Vlast*, no. 44, pp. 28-32.
6. Starkin, S & Ryzhov, I 2014, 'Strategic "reversal" of the US in Asia: the evolution of approaches', *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 49-56.
7. Morozov, IL 2013, 'Safety of political communication in modern Russia', *Bulletin of the Volgograd State University st. Ser. 4: History. Regional Studies. International relations*, no. 1, pp. 127-131.